И 402/1321

2020075308

191
И 402/1321
Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
57016-41

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

О НАРОДНОСТИ ВЪ НАУКѢ.

—

Споръ о народности въ наукѣ грозитъ протянуться въ безконечность. Русская Бесѣда въ каждой книжкѣ занимается этимъ вопросомъ, не смотря на то, что давно уже объявила его рѣшеннымъ окончательно своими сотрудниками. Мы не намѣрены возобновлять этихъ преній, которыя не обѣщаютъ для науки существенныхъ результатовъ. Но такъ какъ защитники народности обыкновенно излагаютъ противоположныя мнѣнія въ искаженномъ видѣ, то мы считаемъ не лишнимъ въ наглядномъ примѣрѣ выставить различіе того и другаго воззрѣнія. Примѣръ этотъ мы не выдумаемъ сами; мы заимствуемъ его у Русской Бесѣды, которая употребила его именно по поводу настоящаго вопроса.

Вотъ что̀ мы читаемъ въ послѣдней книжкѣ славянофильскаго журнала: [1])

«Въ извѣстный годъ, мѣсяцъ и число астрономы ожидаютъ солнечнаго затмѣнія. При приближеніи столь важнаго дня науки явленія, какое-нибудь ученое общество или просто люди любознательные выражаютъ желаніе и предлагаютъ, чтобъ обыкно-

[1]) Русская Бесѣда за 1857 г. книжка 4-я, половина 2-я, стр. 174—5.

венныя въ такихъ случаяхъ наблюденія произведены были не въ одномъ только мѣстѣ и не однимъ лицомъ, но чтобъ было сколько возможно большее число пунктовъ наблюденія и сколь возможно большее число наблюдателей. Къ этому люди любознательные или ученое общество прибавили бы, чтобы наблюдатели со всею тщательностію описали, какъ явленіе будетъ представляться каждому изъ нихъ, собственно съ его точки зрѣнія и именно лично ему—чтобъ ни одинъ изъ нихъ не упустилъ ни малѣйшей особенности своего личнаго наблюденія, и чтобы никакъ не увлекался готовыми, хотя бы въ наукѣ существующими для сего данными и вычисленіями. Такое сохраненіе всѣхъ особенностей мѣстнаго и личнаго наблюденія—говорили бы любознательные люди—чрезвычайно дорого; именно эти-то особенности и важны для науки, которая ждетъ предстоящаго явленія, чтобы разъяснить имъ нѣкоторые свои темные вопросы и провѣрить прежнія не вполнѣ достовѣрныя вычисленія. Но вдругъ на такое предложеніе послышались бы крики людей, которые назвали бы себя ревнителями прогресса и просвѣщенія: Какъ? Что вы дѣлаете? Да какъ это возможно? Къ чему эти разномѣстныя наблюденія? И требовать притомъ, чтобы каждый наблюдатель дорожилъ особенностями своего личнаго наблюденія! Что за смѣшная и дикая мысль! Да и говорить еще, что это важно для науки! Да развѣ въ наукѣ терпятся личныя точки зрѣнія? Ея дѣло—общіе законы движенія небесныхъ тѣлъ. А развѣ въ законахъ круговращенія небесныхъ тѣлъ высказываются чьи бы то ни было личныя точки зрѣнія? Да это просто невозможно. Точь въ точь то же случилось съ вашей журнальной программой и послѣдовавшими за нею спорами.»

Примѣръ выбранъ удачно, но вотъ какъ слѣдуетъ его объяснить.

Возражавшіе противъ мнѣній Русской Бесѣды о народности въ наукѣ никогда не думали говорить, что не нужно дѣлать мѣстныхъ наблюденій. Напротивъ, они постоянно ссылались на факты, какъ на единственное основаніе правильныхъ выводовъ въ опытныхъ наукахъ, за что, какъ помнится, подвергались строгому осужденію со стороны противниковъ. Факты же добываются именно посредствомъ разнообразныхъ мѣстныхъ и частныхъ наблюденій. Слѣдовательно, солнечное затмѣніе надобно

наблюдать вездѣ. Но мы утверждали, возражая на мнѣнія Русской Бесѣды, что наблюдатель не долженъ приступать къ наблюденію съ готовымъ, лично ему принадлежащимъ воззрѣніемъ на предметъ. Онъ приноситъ сюда наблюдательную способность, а не воззрѣніе, выработанное внѣ науки. Онъ записываетъ только фактическое явленіе, а не вноситъ въ него субъективныхъ своихъ требованій. Поэтому мы убѣждены, что мѣстныя научныя наблюденія не составляютъ особенной принадлежности мѣстныхъ жителей, ни какъ дѣятельность, ни какъ результатъ. Французъ точно съ такимъ же успѣхомъ можетъ наблюдать затмѣніе въ Германіи, какъ и Нѣмецъ во Франціи, и результатъ ихъ опытовъ равно принадлежитъ всѣмъ. Если по повѣркѣ и сличеніи съ другими, наблюденіе окажется достовѣрнымъ, оно поступаетъ въ общую для всего человѣчества сокровищницу науки, гдѣ имъ одинаково пользуются всѣ. Итакъ факты, какъ матеріалъ науки, одни для всѣхъ. Однако наука этимъ не ограничивается; собраніе воедино разнообразныхъ наблюденій составляетъ для нея только предварительную работу; настоящая ея задача—сравнить факты между собою, свести ихъ къ общему итогу и сдѣлать изъ нихъ общіе выводы, одинакіе для всѣхъ людей. Потому мы считаемъ ее единою, общечеловѣческою. Въ этой дальнѣйшей разработкѣ предмета совершенно уже должна исчезнуть личная или мѣстная точка зрѣнія. Истинный ученый не болѣе дорожитъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, какъ и всякимъ другимъ. Въ своихъ выводахъ онъ отправляется не отъ тѣхъ только данныхъ, которыя представляетъ ему мѣстность, а отъ всей совокупности данныхъ, пріобрѣтенныхъ наукою. Какъ ученый, онъ долженъ отрѣшиться отъ мѣстныхъ представленій и стать на высшую, господствующую, сравнительную, общую для всѣхъ точку зрѣнія, съ которой обозрѣвается все широкое поле науки. Чѣмъ менѣе онъ при этомъ окажетъ пристрастія къ тому или другому мѣстному взгляду, тѣмъ правильнѣе будутъ его выводы. Такимъ образомъ въ наукѣ свое и чужое — понятія неумѣстныя, скажемъ лучше, безобразныя.

Противъ этого защитники народности въ наукѣ возражаютъ слѣдующимъ образомъ: ученый, говорятъ они, не можетъ отрѣшиться отъ своего мѣстнаго представленія и возвыситься на

точку зрѣнія общую, ибо чрезъ это нарушается цѣльность его жизни. Такое требованіе разсматриваетъ человѣка, какъ шкафъ съ различными ящиками, изъ которыхъ въ одномъ находятся общія воззрѣнія, а въ другомъ мѣстныя. Въ человѣкѣ нѣтъ подобныхъ перегородокъ жизнь;затопляетъ всѣ заборы.Мѣстный наблюдатель, живя цѣльною жизнью, насквозь проникнувшись особенностями окружающей среды, не въ состояніи даже вообразить себѣ иную точку зрѣнія; мѣстное представленіе кажется ему общею истиной, которая должна быть признана всѣми. Потому, когда онъ работаетъ для науки, онъ отправляется не отъ всей совокупности наблюденій, сличенныхъ и свѣренныхъ между собою, а именно отъ своего. Но вслѣдствіе этого самые его выводы непремѣнно носятъ на себѣ отпечатокъ первоначальнаго своего происхожденія. Такъ напримѣръ, если въ настоящемъ случаѣ онъ видѣлъ солнечное затмѣніе частное, то возможно ли ему представить себѣ, что оно въ другихъ мѣстахъ было полное? Онъ и дѣлаетъ свои астрономическіе разсчеты въ томъ предположеніи, что на землѣ затмѣніе было частное. Положимъ, здѣсь будетъ ошибка; но она неизбѣжна. Жизненная цѣльность наблюдателя дѣлаетъ ее закономъ его природы. Не старайтесь возражать ему, представляя другія наблюденія: онъ вамъ отвѣтитъ, что прежде всего онъ долженъ оберегать себя отъ чужой ограниченности, и что во всякомъ случаѣ онъ не можетъ поставить чужія наблюденія на ряду съ своимъ. Первыя онъ постигаетъ только разсудкомъ, второе же составляетъ для него плодъ жизненнаго опыта, почему онъ и дорожитъ всѣми его особенностями. Онъ въ наукѣ видитъ органическое произведеніе жизни, а не созданіе отвлеченнаго разума. Какъ химическое тѣло вбираетъ въ себя только тѣ сосѣдніе элементы, которые ему сродны, такъ и мѣстный наблюдатель принимаетъ изъ чужихъ представленій только тѣ, которыя сходны съ его собственнымъ. Остальныя онъ откидываетъ, какъ ему несвойственныя.

Послѣдствія этого взгляда на науку очевидны. Наблюдатель нашъ не только останется при той мысли, что затмѣніе было частное, но, основываясь на жизненномъ опытѣ, онъ признаетъ, что солнце ходитъ вокругъ земли и отвергнетъ доказательства отвлеченнаго разсудка въ пользу круговращенія нашей плане-

ты. Разсудокъ, говоритъ сотрудникъ Русской Бесѣды, истязуетъ жизнь, разрушая въ человѣкѣ вѣру въ то, что̀ представляетъ ему естественное чувство.

Разумѣется, при этихъ объясненіяхъ, для бо́льшаго затемнѣнія вопроса, постоянно смѣшивается теоретическое изслѣдованіе истины, о которомъ идетъ дѣло, съ практическимъ ея приложеніемъ. Новѣйшіе философы Русской Бесѣды, какъ великіе мыслители, припутали сюда даже самое изложеніе. Какъ не согласиться напримѣръ, что одни и тѣ же астрономическіе законы различными учеными излагаются различно, и что въ этомъ выражается особенность каждаго? Удивляемся только, почему до сихъ поръ въ доказательство народности въ наукѣ намъ не привели то извѣстное всѣмъ обстоятельство, что ученыя книги пишутся на разныхъ языкахъ. Вѣдь языкъ—проявленіе народнаго духа, выраженіе свойственнаго каждому народу способа представленія. Сто́итъ перевести астрономическую книгу на отечественный языкъ—вотъ и будетъ народная наука. Но въ такомъ случаѣ подражательное направленіе, противъ котораго возстаетъ Бесѣда, есть чистый миѳъ: всякое ученое сочиненіе, выходящее на русскомъ языкѣ, всякій ученый вопросъ, изложенный русскимъ человѣкомъ, есть выраженіе своеобразнаго воззрѣнія русскаго народа.

Итакъ, въ области науки одни подчиняютъ мѣстный элементъ общему, другіе общій мѣстному. Въ практической сферѣ совсѣмъ другое; объ этомъ не было и спора. Истина одна, но ея приложенія могутъ быть безконечно разнообразны, и каждое сообразуется съ частными условіями данной мѣстности или явленія. Отсюда различіе человѣческой дѣятельности въ той и другой области. Тогда какъ ученый, даже въ прикладныхъ наукахъ, разсматриваетъ теоретически, въ общемъ ихъ видѣ, всю совокупность условій, которыя видоизмѣняютъ извѣстный законъ, практикъ изъ всѣхъ возможныхъ способовъ приложенія выбираетъ въ каждомъ случаѣ одинъ и пользуется имъ исключительно. Для этого требуется совершенно особенная способность, отличная отъ теоретической. Потому величайшій ученый можетъ иногда быть весьма плохимъ практикомъ. Въ приложеніи къ собственной жизни каждый имѣетъ полное право отвергать даже то, что̀ онъ самъ признаетъ за лучшее, если оно не при-

ходится къ его организаціи. Потому и сравненіе съ химическимъ тѣломъ, которое странно звучитъ, когда дѣло идетъ о наукѣ, совершенно умѣстно для практики. Надобно только замѣтить, что если хотятъ науку раздѣлить по народностямъ на основаніи различія въ ея практическомъ приложеніи, то не за чѣмъ останавливаться на полудорогѣ. Отчего намъ не говорятъ о наукѣ губернской, уѣздной и наконецъ личной? Можно, не ошибаясь, сказать, что нѣтъ въ мірѣ двухъ человѣческихъ организмовъ, которые бы не были различны между собою и потому не потребовали бы различнаго приложенія медицины. Для каждаго больнаго будетъ слѣдовательно своя наука: одна будетъ медицина Ивана Ивановича, другая будетъ медицина Петра Петровича, хотя бы ихъ лѣчилъ одинъ докторъ. Или, взявши прежній свой примѣръ, мы увидимъ, что мѣстныя наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ служатъ основаніемъ для вывода астрономическихъ законовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, прикладываются къ повѣркѣ часовъ въ каждой мѣстности. Но извѣстно, что каждый градусъ долготы имѣетъ свое часовое время и каждый градусъ широты свое наклоненіе стрѣлки солнечныхъ часовъ; слѣдовательно будетъ одна астрономія 30-го градуса, другая 31-го и т. д. кругомъ всей земли.

Въ такомъ видѣ и въ такихъ предѣлахъ былъ поставленъ вопросъ съ самаго начала. Спрашивается: которая изъ двухъ сторонъ имѣетъ болѣе просвѣщенное воззрѣніе на науку? [1])

---

[1]) Авторъ статьи, изъ которой мы заимствовали примѣръ, удивляется безсмыслію тѣхъ писателей, которые говорятъ, что наука допускаетъ одно воззрѣніе—просвѣщенное. По его мнѣнію, это значитъ сказать: наука допускаетъ одно воззрѣніе—то, которое допускается наукою. «Ну скажите, не знаменито ли это?» восклицаетъ онъ. Знаменито здѣсь одно:такое усиленное стараніе автора быть глубокомысленнымъ, что самыя простыя вещи перестаютъ быть для него понятными. Наука дѣйствительно допускаетъ одно воззрѣніе—то, которое дается изученіемъ науки; это воззрѣніе *просвѣщенное*, которое, впрочемъ, не исключаетъ разногласія по вопросамъ, не достаточно обслѣдованнымъ. Но кромѣ того можетъ быть множество воззрѣній *непросвѣщенныхъ;* это тѣ, которыя составляются различными путями, помимо науки, или вносятся въ нее извнѣ, изъ *жизни*, какъ обыкновенно довольно сбивчивымъ образомъ выражаются сотрудники Русской Бесѣды. Такъ, напримѣръ, понятія о физическихъ явленіяхъ пріобрѣтаются просвѣщенными людьми изъ знакомства съ наукою физики; но безграмотные люди изъ собственнаго жизненнаго опыта и мѣстныхъ предразсудковъ выносятъ обыкновенно самыя дикія представленія о явленіяхъ природы. Первые всѣ убѣж-

Но этого мало. Для того, чтобы наблюденіе получило право гражданства въ наукѣ, надобно, чтобы оно было произведено методическимъ путемъ, съ помощью указанныхъ наукою средствъ и пріемовъ. Въ жизни ежедневно дѣлаются физическія наблюденія, но для науки они значенія не имѣютъ, ибо познаніе пріобрѣтается здѣсь безъ научной методы. Поэтому противники Русской Бесѣды говорятъ: если вы хотите производить астрономическія наблюденія, выучитесь сначала астрономіи, усвойте себѣ ея методу, переймите выработанные наукою пріемы, выпишите телескопы, и тогда приступайте къ дѣлу. Это не значитъ однакоже, что метода наблюденія не можетъ быть усовершенствована; человѣческому разуму нельзя положить такихъ границъ. Метода можетъ быть еще строже, еще точнѣе; могутъ быть изобрѣтены телескопы, которые покажутъ намъ предметы еще съ большею ясностью и въ большей величинѣ, нежели въ настоящее время. Но чтобы сдѣлать подобныя усовершенствованія, необходимо сначала умѣть дѣйствовать тѣми средствами, которыя существуютъ нынѣ, надобно, чтобы

цены, что молнія есть сліяніе двухъ противоположныхъ электричествъ, что радуга есть преломленіе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ, что роса есть осажденіе паровъ на охлажденной землѣ. Послѣдніе же могутъ имѣть самыя разнообразныя воззрѣнія на эти предметы, и всѣ эти воззрѣнія одинаково должны быть названы *непросвѣщенными*. Вкусъ автора, мы знаемъ, влечетъ его къ разнообразію.—Еще знаменитѣе то, что возражатель объявляетъ безсмысліцею выраженіе: общечеловѣческое воззрѣніе. Воззрѣніе, говоритъ онъ, непремѣнно должно быть чье-нибудь. Потому можно сказать: народное воззрѣніе, воззрѣніе Русской Бесѣды, ибо здѣсь видно, кому оно именно принадлежитъ, но воззрѣніе общечеловѣческое неизвѣстно чье; слѣдовательно это безсмыслица. Читатель, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ доводомъ; но удивленіе его возрастетъ, когда онъ увидитъ, что «*направленіе* общечеловѣческое» сказать можно, ибо тутъ извѣстно чье оно, а «*воззрѣніе*» никакъ нельзя. Чтобы разрѣшить эту хитрую загадку, стоитъ спросить у порядочнаго ученика: что значитъ воззрѣніе общечеловѣческое? онъ, разумѣется, отвѣтитъ: воззрѣніе общее всѣмъ людямъ. Изъ отвѣта тотчасъ откроется, кому оно принадлежитъ. При этомъ, однако, можетъ быть недоразумѣніе: можно подумать, что оно принадлежитъ всѣмъ людямъ безъ исключенія. Чтобъ устранить подобную мысль и объяснить настоящее значеніе слова, прибавляютъ, что это воззрѣніе просвѣщенное, то-есть, что оно принадлежитъ всѣмъ людямъ, поколику они причастны общему всѣмъ просвѣщенію. Кажется, ничего не можетъ быть проще; но Русская Бесѣда никакъ не можетъ доискаться здѣсь смысла. Видно у нея и смыслъ свой собственный, именно ей принадлежащій, никому другому несвойственный—смыслъ Русской Бесѣды, а отнюдь не общечеловѣческій.

наблюдатель вполнѣ усвоилъ себѣ науку астрономіи. Оттого мы прежде всего настаиваемъ на необходимости ученія; мы видимъ въ немъ единственный путь къ самостоятельнымъ наблюденіямъ. Разумѣется при этомъ, что желающій учиться долженъ поступать не какъ обезьяна, которая безсмысленно перенимаетъ однѣ внѣшнія уловки, не сознавая ихъ значенія, а какъ разумное существо, которое вникаетъ въ причины вещей и понимаетъ то, что̀ оно дѣлаетъ.

Кажется, все это до такой степени просто и естественно, что ни одинъ благоразумный наблюдатель не станетъ противъ этого возражать. Однакоже находятся люди, которые говорятъ: «Мы не хотимъ, чтобы намъ навязывали начала выработанныя гдѣ-то, когда-то, и кѣмъ-то; мы хотимъ все черпать изъ самихъ себя, изъ собственной жизни. Наши противники, подъ вліяніемъ иноземныхъ книжныхъ теорій, требуютъ, чтобы мы переняли чужія методы и усвоили себѣ выработанныя другими астрономическія понятія; да это значитъ уничтожить въ насъ всякую самобытность, осудить насъ на вѣчное рабское подражаніе другимъ! Подобныя ученія могутъ проповѣдывать только люди, которые неспособны постигнуть свою народность и потому не въ состояніи произвести ничего своего. Притомъ же ваша астрономическая наука, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, намъ не приходится. Ваши методы, ваши пріемы, ваши телескопы—все это плодъ разсудочнаго мышленія, которое истязуетъ свободное развитіе жизни; все это произведеніе механическаго воззрѣнія на науку, а мы науку понимаемъ, какъ органическое проявленіе народности. Мы станемъ дѣлать свои наблюденія, ибо мы хотимъ доказать свою самостоятельность, но мы будемъ производить ихъ своимъ способомъ, не слушаясь никого. Мы найдемъ себѣ орудія не въ мертвыхъ изобрѣтеніяхъ отвлеченной разсудочности, а въ живой средѣ народной жизни, въ величественномъ быту того сословія, которое одно сохранило въ себѣ неприкосновенными наши народныя начала.»

И вотъ будущій наблюдатель беретъ употребляемое крестьянами стекло, котораго шероховатая поверхность пропускаетъ изображенія предметовъ въ весьма искаженномъ видѣ; онъ коптитъ его въ дыму русской печи, и вооруженный такимъ инструментомъ, принимается за работу. Не думайте впрочемъ, чтобы онъ внимательно сталъ слѣдить за явленіемъ, чтобъ онъ

искалъ точныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно сдѣлать по возможности правильный выводъ. Это было бы возвращеніемъ къ разсудочному анализу, къ механическому способу выводовъ. Чего добраго, нашъ наблюдатель можетъ сдѣлать открытія, противорѣчащія предразсудкамъ, которые срослись съ его естествомъ; такимъ образомъ нарушится его жизненная цѣльность, чего онъ допустить не можетъ. Онъ не дастъ отвлеченному разуму такой власти надъ собою, а потому онъ приступаетъ къ наблюденію съ готовымъ воззрѣніемъ, которое, по его понятію, вытекло изъ органическаго развитія его жизни. Опытъ служитъ для него не основаніемъ убѣжденій, а случайнымъ матеріаломъ, который втѣсняется въ формулу, принесенную извнѣ. Наблюдатель нашъ взглянулъ на солнце сквозь свое закопченное стеклышко—и у него готова уже цѣлая астрономическая система, основанная на чисто національныхъ космологическихъ понятіяхъ простаго народа. Разумѣется, сдѣлавши такія великолѣпныя открытія, онъ начинаетъ считать себя верховнымъ обладателемъ человѣческой мудрости, онъ видитъ въ себѣ избранное существо, пролагающее міру новые пути; онъ толкуетъ не въ попадъ о всякихъ астрономическихъ сочиненіяхъ, не считая даже нужнымъ предварительно съ ними познакомиться; онъ кричитъ во всеуслышаніе, что онъ одинъ понимаетъ свою народность, и съ высоты своего величія смотритъ на тѣхъ жалкихъ подражателей, которые стараются дѣлать мѣстныя наблюденія съ помощью указанныхъ наукою средствъ.

Спрашивается: какъ назоветъ такого наблюдателя всякій человѣкъ, нѣсколько знакомый съ астрономіею.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній съ цѣлью возстановить въ надлежащемъ видѣ очень обыкновенную мысль, которая между прочимъ была нами высказана въ спорѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: Русская Бесѣда, въ заботѣ о самостоятельности, послѣдовательно дошла до отрицанія преемственности человѣческаго развитія; она утверждаетъ, что образованіе для каждаго поколѣнія начинается сызнова. «Думаютъ ли въ самомъ дѣлѣ, говоритъ авторъ упомянутой статьи, что образованіе переходило, какъ товаръ, отъ народа къ народу? Или по крайней мѣрѣ такъ, какъ переходитъ наслѣдство отъ отца къ сыну? Это была бы мысль оригинальная. Я, напримѣръ,

доучился въ математикѣ до уравненій: сынъ мой облегченъ. ему приходится начинать не съ начала; а внукъ — какое счастіе! можетъ-быть начнетъ прямо съ дифференціальныхъ исчисленій. Какъ же вѣдь? Видите, древніе оставили новымъ народамъ науку, и эти, образовываясь, не проходятъ снова всего, что пройдено двѣ тысячи лѣтъ назадъ, не перевѣряютъ прежнихъ изысканій, не пользуются ими только, какъ пособіемъ при самостоятельномъ изученіи. Нѣтъ, они только *продолжаютъ*.» И на основаніи этого разсужденія, авторъ, по своему обыкновенію, объявляетъ, что приложеніе къ наукѣ понятія о наслѣдствѣ или выраженіе: догнать другихъ въ образованіи, есть безсмыслица.

Въ самомъ дѣлѣ, силлогизмъ поразительный. Всякій ученикъ начинаетъ съ ариѳметики, а не съ дифференціальнаго исчисленія; слѣдовательно онъ сызнова передѣлываетъ то, надъ чѣмъ трудились его предки, онъ переработываетъ науку съ самаго начала. Это ясно. Что станешь на это отвѣчать?

Здѣсь поневолѣ намъ приходитъ въ голову прискорбная мысль: неужели мы должны объяснять такія простыя вещи? Это даже нѣсколько совѣстно. Увы! съ сокрушеніемъ сердечнымъ мы должны признаться, что у насъ еще это иногда необходимо: странный характеръ нашихъ споровъ происходитъ именно оттого, что мы начинаемъ не съ начала и забираемся въ высоту, не разъяснивши себѣ предварительныхъ, элементарныхъ понятій. Нечего дѣлать, приступимъ.

Создать науку и усвоить себѣ то, что сдѣлано другими— двѣ вещи разныя. Одно требуетъ тысячелѣтнихъ усиленныхъ трудовъ, другое совершается въ нѣсколько лѣтъ. Человѣчество въ продолженіи тысячелѣтій разработывало математику; но въ наше время смышленый ученикъ можетъ изучить ее въ три-четыре года. Почему? потому что передъ нимъ лежатъ готовые результаты трудовъ предшествующихъ поколѣній; ему не нужно начинать работу сызнова, а надобно только усвоить себѣ уже сдѣланное другими. Усвоить — значитъ понять и припомнить данное развитіе мысли, такъ, чтобы оно сдѣлалось какъ бы нашею собственностью. Безсмысленный ученикъ вытвердитъ урокъ наизусть: онъ усвоитъ себѣ только внѣшнее сцѣпленіе словъ или знаковъ; разумный же ученикъ вникнетъ въ самую внутреннюю связь понятій и будетъ въ состояніи воспроизвести отъ

себя цѣлую нить математическихъ выводовъ. Въ то время, какъ онъ учится, онъ не вноситъ въ математику ничего своего; онъ не переработываетъ ея на новый ладъ, не дѣлаетъ въ ней ни открытій, ни усовершенствованій. Онъ ограничивается пока усвоеніемъ прежнихъ результатовъ. Въ это время созданная предшественниками наука не служитъ для него только пособіемъ для дальнѣйшаго хода; нѣтъ, она составляетъ единственную цѣль его занятій. Когда же онъ вполнѣ овладѣлъ предметомъ и сталъ въ уровень съ настоящимъ положеніемъ науки, то-есть уподобился въ знаніяхъ своимъ предшественникамъ и современникамъ, тогда онъ можетъ идти далѣе: за періодомъ ученія слѣдуетъ періодъ самостоятельной разработки предмета. Тогда усвоенныя познанія становятся исходною точкою для дальнѣйшей дѣятельности. Послѣднее однакоже не идетъ такъ скоро, какъ первое. Выучить математику отъ ариѳметики до высшихъ исчисленій можетъ въ нѣсколько лѣтъ всякій человѣкъ съ обыкновенными дарованіями. Но для того, чтобы прибавить къ ней хотя частичку своего, нерѣдко нужна цѣлая человѣческая жизнь, да и то еще это дается только людямъ съ высшими способностями. Если вмѣсто математики мы возьмемъ другую науку, не столь совершенную, то и здѣсь увидимъ то же самое. Ученикъ, который изучаетъ химію, не дѣлаетъ въ ней новыхъ открытій, не вноситъ въ нее ничего своего, а напротивъ, обращаетъ въ свою духовную собственность то, что̀ сдѣлано другими. Здѣсь не нужно даже повторять, какъ въ математикѣ, весь предшествующій ходъ научнаго познанія: не только ученикъ, но и ученѣйшій химикъ въ мірѣ не въ состояніи повторить всѣхъ сдѣланныхъ опытовъ; для этого не достало бы и двадцати человѣческихъ жизней. Если опытъ произведенъ методически, если онъ повѣренъ другими изслѣдователями и найденъ удовлетворительнымъ, онъ принимается, какъ данное, которое полагается въ основаніе выводовъ. Только въ случаѣ сомнѣнія производится новая повѣрка.

Изъ этого простаго разсужденія мы можемъ понять значеніе спора, который возникъ въ недавнее время. Одинъ нашъ почтенный ученый назвалъ ученіе подражаніемъ; ему возразили, что оно есть возбужденіе самостоятельнаго мышленія. Возраженіе съ перваго взгляда кажется благовиднымъ, а между тѣмъ

оно основано на игрѣ словъ. Дѣло въ томъ, что оба выраженія: подражаніе и самостоятельное мышленіе имѣютъ различный смыслъ, почему необходимо уяснить себѣ, что̀ подъ ними разумѣется. Подражаніе значитъ воспроизведеніе того, что̀ дѣлаютъ другіе. Но, какъ мы замѣтили выше, воспроизведеніе можетъ быть двоякое: ученикъ математики можетъ воспроизвести либо внѣшнее сцѣпленіе словъ или знаковъ, либо внутреннее сцѣпленіе математическихъ выводовъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ въ извѣстномъ смыслѣ будетъ подражателемъ, но подражателемъ разумнымъ, и никто не требуетъ отъ ученика болѣе, нежели подобнаго разумнаго подражанія. Когда его испытываютъ въ знаніяхъ, у него не спрашиваютъ: сдѣлалъ ли онъ въ математикѣ открытія или усовершенствованія, а требуютъ только, чтобъ онъ сознательно воспроизвелъ данныя теоремы и доказательства. Только подобное воспроизведеніе выработаннаго другими дѣлаетъ его *способнымъ* къ дальнѣйшему, самостоятельному труду. Прежде того у него есть способность къ занятіямъ, но нѣтъ еще достаточной силы для самостоятельной разработки науки.

Съ другой стороны самое слово: самостоятельное мышленіе можетъ быть принято въ двухъ значеніяхъ. Если подъ этимъ понимать сознательное и разумное усвоеніе данныхъ результатовъ науки, то это совпадаетъ съ предшествующимъ значеніемъ слова: подражаніе, и возраженіе было неумѣстно. Если же подъ самостоятельнымъ мышленіемъ разумѣть новую, своеобразную разработку науки, новыя открытія и усовершенствованія, то это вовсе не дѣло ученика. Періодъ самостоятельности въ этомъ смыслѣ наступаетъ уже послѣ ученія, и имѣетъ необходимымъ условіемъ предшествующую подражательную дѣятельность. Когда Русская Бесѣда говоритъ объ ученіи, она съ одной стороны постоянно проповѣдуетъ послѣдняго рода самостоятельность подъ видомъ первой, откуда проистекаетъ спутанность понятій, съ другой стороны она всегда притворяется, что ея противники принимаютъ ученіе въ смыслѣ обезьянства, и побѣдоносно опровергаетъ подобныя мнѣнія. Впрочемъ надобно сказать, что въ неправомъ спорѣ единственное убѣжище — придираться къ словамъ и толковать ихъ криво.

Теперь мы можемъ разъяснить и другое сомнѣніе, которое

возникло по поводу спора о народности въ наукѣ. Можетъ ли быть что-нибудь проще и обиходнѣе той мысли, что мы, Русскіе, съ помощью разумнаго ученія, можемъ догнать въ образованіи тѣ народы, которые опередили насъ на этомъ пути? Однако Русская Бесѣда никакъ съ этимъ не соглашается. И точно, если допустить понятія, которыя ясны для простаго общечеловѣческаго смысла, то вся исключительно ей принадлежащая логика должна исчезнуть, какъ дымъ. Поэтому она объявила, что подобная мысль есть не болѣе, какъ шутка. Образованіе, говорятъ защитники народности въ наукѣ, безпрерывно подвигается впередъ; слѣдовательно, когда мы придемъ на ту точку, на которой находятся теперь западные народы, они снова будутъ впереди насъ. Такимъ образомъ мы никогда ихъ не догонимъ. Такое возраженіе довольно забавно; точно какъ будто авторъ хотѣлъ имъ морочить дѣтей. Изъ него выходитъ, что если мы хотимъ сравняться съ другими въ образованіи, мы должны не идти путемъ постепеннаго ученія, а разомъ сдѣлать богатырскій скачекъ, который поставитъ насъ впереди всѣхъ. Другіе сотрудники Бесѣды не довольствуются даже и этимъ: они утверждаютъ, что самое выраженіе: «догнать другихъ въ образованіи» не имѣетъ смысла, ибо каждое поколѣніе начинаетъ работу сызнова. Мы видѣли уже, какъ должно это понимать, и потому скажемъ вкратцѣ, что между ученикомъ математики и учителемъ въ началѣ ученія безконечная разница, но въ концѣ ученія они сравнялись: ученикъ догналъ учителя. Если же послѣдній въ это время сдѣлалъ новыя открытія и самъ ушелъ впередъ; то ученику, вполнѣ знакомому съ наукою, легко будетъ усвоить себѣ и эти новые результаты. Тѣ усовершенствованія, которыя учителю стоили многолѣтняго труда, ученикъ пойметъ въ короткое время. Такимъ образомъ, по окончаніи ученія, ученикъ и учитель стали на одну доску: какъ самостоятельные дѣятели науки, они поучаютъ другъ друга.

Итакъ мы должны придти къ заключенію, что ученикъ не начинаетъ сызнова разработку науки; онъ усвоиваетъ себѣ данные результаты, и потомъ уже, овладѣвъ ими, развиваетъ ихъ далѣе. Если эти плоды предшествующаго труда, которые передаются отъ старшаго поколѣнія младшему и отъ старшаго въ развитіи народа младшему, нельзя назвать наслѣдіемъ; если

этотъ періодъ ученія, въ продолженіи котораго младшее поколѣніе становится на ту точку, до которой дошло старшее, не установляетъ непрерывности развитія въ умственной жизни, то въ человѣческой головѣ нѣтъ смысла, и мы должны отказаться не только отъ преній, но даже и отъ всякаго связнаго изложенія своихъ понятій.

Читатель, надѣюсь, извинитъ совершенно элементарный характеръ этихъ объясненій. Что же дѣлать, если для того, чтобы не прослыть безсмысленными людьми, мы должны преважно толковать о томъ, что 2-ды 5—10 или что снѣгъ идетъ зимою, а дождь лѣтомъ? Русская Бесѣда затѣяла споръ о самыхъ высокихъ предметахъ; но скоро, къ прискорбію, оказалось, что это ни къ чему не ведетъ, что надобно спуститься гораздо ниже и, оставивъ въ сторонѣ проложеніе новыхъ путей для человѣчества, ограничиться пока основательнымъ изученіемъ грамматики и другими подобными упражненіями.

Въ настоящемъ случаѣ мы опасаемся, что даже и эти годныя въ прописи объясненія покажутся непонятными критикамъ-философамъ, которые въ своемъ глубокомыслін не могутъ найдти смысла въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ.

Представленія, можетъ-быть, имъ сподручнѣе понятій, а потому мы прибѣгнемъ къ сравненію. Для объясненія преемственнаго хода образованія, мы представимъ науку въ видѣ хозяйства, которое передается отъ отца сыну. Сравненіе не будетъ неумѣстно, ибо, какъ въ наукѣ, такъ и въ хозяйствѣ, есть извѣстная дѣятельность съ извѣстными результатами.

Положимъ, что отецъ, человѣкъ бѣдный, но съ замѣчательными дарованіями, скопилъ деньжонокъ, устроилъ себѣ хозяйство, приложилъ къ нему всевозможное попеченіе, безпрерывно расширялъ его и усовершенствовалъ, и такимъ образомъ достигъ значительнаго богатства. Хозяйство его не есть верхъ совершенства; однако оно устроено разумно, идетъ хорошо и доставляетъ владѣльцу большіе доходы. Отецъ передаетъ это наслѣдіе сыну. Что же будетъ дѣлать послѣдній? Если онъ благоразуменъ, онъ прежде всего постарается ознакомиться съ дѣломъ, станетъ вникать въ то, что̀ устроено отцомъ, будетъ объяснять себѣ, гдѣ, что̀, какъ и почему дѣлается? Это будетъ періодъ его ученія, въ продолженіе котораго хозяйство будетъ

идти на отцовскій ладъ. Поддержаніемъ того, что̀ ему передано, сынъ покажетъ свои способности къ управленію. Похозяйничавъ такимъ образомъ, ознакомившись вполнѣ съ предметомъ своихъ занятій, онъ можетъ приступить и къ усовершенствованіямъ. Знаніе дѣла откроетъ ему, гдѣ что̀ упущено, и нѣтъ ли возможности расширить и улучшить хозяйство; а успѣхъ его усовершенствованій покажетъ ему, что онъ обладаетъ изобрѣтательностію и способенъ повести хозяйство далѣе. Со временемъ онъ можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ хозяиномъ и совершить такія преобразованія, что помѣстье будетъ давать ему втрое или вчетверо болѣе дохода, нежели оно доставляло отцу.

Такъ поступитъ благоразумный наслѣдникъ. Къ несчастію, нашъ молодой хозяинъ начитался Русской Бесѣды и хочетъ приложить къ дѣлу ея ученіе о самостоятельности. Поэтому онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Отецъ передалъ мнѣ хозяйство; за это я ему очень благодаренъ. Но я не долженъ забывать, что оно устроено другимъ, что оно не есть органическое произведеніе моей личности. Если я стану хозяйничать по примѣру отца, я буду жалкимъ подражателемъ, прихвостнемъ своего отца. Чтобъ выразить свою самостоятельность, я долженъ передѣлать хозяйство на собственный ладъ, преобразовать его на основаніи воззрѣній, которыя вытекаютъ изъ моей жизненной цѣльности. Положимъ, что я этимъ дѣломъ никогда не занимался и потому не имѣю объ немъ понятія. Но зато во мнѣ есть другіе, высшіе элементы: я считаю себя добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ, хожу въ церковь, сохраняю непзмѣнную вѣрность своей супругѣ, кромѣ того, имѣю обширныя владѣнія. Чего же нужно болѣе для того, чтобы подвергнуть критикѣ все отцовское хозяйство и поставить его на новую ногу?» И вотъ начинаются странные опыты, въ которыхъ молодой наслѣдникъ хочетъ показать свою самостоятельность.

Эти разсужденія довольно интересны; но они еще не раскрываютъ намъ всей сущности мысли новаго хозяина. Подобныя рѣчи онъ ведетъ въ хорошія минуты, когда хочетъ блеснуть передъ міромъ своею умѣренностію. Въ порывахъ откровенности, когда онъ весь на распашку и предоставляетъ полный разгулъ своимъ стремленіямъ къ самостоятельности, онъ идетъ гораздо далѣе.

«Я не хочу, чтобы мнѣ навязывали отцовское наслѣдіе, говоритъ онъ. Развѣ я его устроилъ? Это чуждый мнѣ элементъ, съ которымъ я могу соединиться только механически, и который поэтому нарушитъ мою самостоятельность, исказитъ всю мою жизнь. Я все хочу черпать изъ самого себя, развиваться путемъ органическимъ, отъ центра къ окружности. Я чувствую, что во мнѣ есть зачатки, съ которыми ничто не можетъ сравниться. Отцовское хозяйство есть плодъ отвлеченнаго разсудка, а моя жизненная цѣльность не имѣетъ себѣ подобной. Отецъ и въ подметки мнѣ не годился, ибо онъ былъ развращенъ логикой: стану ли я ему подражать? Да и что̀ такое наслѣдство? Это пустое безсмысленное слово, которое употребляется поверхностными людьми. Развѣ можетъ хозяйство, какъ товаръ, переходить отъ отца къ сыну? Вѣдь я все равно долженъ учиться ему сызнова, начиная съ самыхъ элементарныхъ понятій. Такъ я лучше заведу свое. Я помимо отца имѣю право на всѣ блага міра, а потому я хочу доказать свою свободу, добывая все самъ, слѣдуя только собственнымъ внушеніямъ и не слушаясь ни чьихъ совѣтовъ.»

Одно обстоятельство нѣсколько смущаетъ нашего героя, впрочемъ, утѣшимся, не въ такой степени, чтобы заставить его хотя на минуту усомниться въ самомъ себѣ. Дѣло въ томъ, что его самостоятельное развитіе отчасти уже искажено воспитаніемъ.

«Я помню время, говоритъ онъ, когда я былъ совершенное дитя природы: дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, развивался извнутри себя и босикомъ бѣгалъ съ мальчишками по двору. Кончилось наконецъ это золотое раздолье. Отецъ мой, зараженный чужестранными идеями, посадилъ меня за книгу; надѣли на меня куртку, вмѣсто стараго дядьки отдали меня иностранцу-гувернёру, который сталъ учить меня разнымъ басурманскимъ наукамъ, и когда я ревѣлъ и бунтовалъ противъ ученія, меня подвергали наказаніямъ, нарушая тѣмъ естественное развитіе моей жизни. Отецъ мой не понималъ, что органическое существо развивается отъ центра къ окружности. Такимъ образомъ всѣ мои понятія были совершенно искажены. Поступивши въ университетъ, я въ безуміи своемъ даже съ нѣкоторою охотою учился иноземнымъ наукамъ, забывая, что я прежде всего долженъ обе-

регать себя отъ чужой ограниченности, не понимая, что я добровольно убиваю свою самостоятельность, низвожу себя на степень жалкаго раба. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ сдѣлалъ я для науки? Ничего. Это явное доказательство, что чужое мнѣ не приходится. Но жизнь затопила наконецъ всѣ заборы; я увидѣлъ ту бездну, въ которую я попалъ, и рѣшился возвратиться на первопачальный путь. Я отстраню отъ себя все иностранное ученіе, для того, чтобы прежнія, естественныя мои воззрѣнія, вытекшія изъ моей жизненной цѣльности, но подавленныя воспитаніемъ, могли *прорости* въ будущее мое развитіе. Къ счастью, у меня живъ еще старый дядька, который не учился иноземнымъ наукамъ; я спрошу у него, какіе у меня въ молодости были взгляды на вещи, и эти уцѣлѣвшія въ немъ воззрѣнія я *внесу* въ настоящую свою жизнь.»

Нашъ герой съ большимъ усердіемъ начинаетъ забывать все, чему учился. Онъ становится Донъ-Кихотомъ народности, и посылаетъ въ Русскую Бесѣду краснорѣчивыя статьи, въ которыхъ описываетъ, какимъ онъ былъ мудрецомъ прежде, нежели его посадили за книгу. Когда же ему доказываютъ, что онъ въ то время былъ ребенкомъ, онъ считаетъ это за отрицательное направленіе.

Б. Чичеринъ.

---

14 АВГ

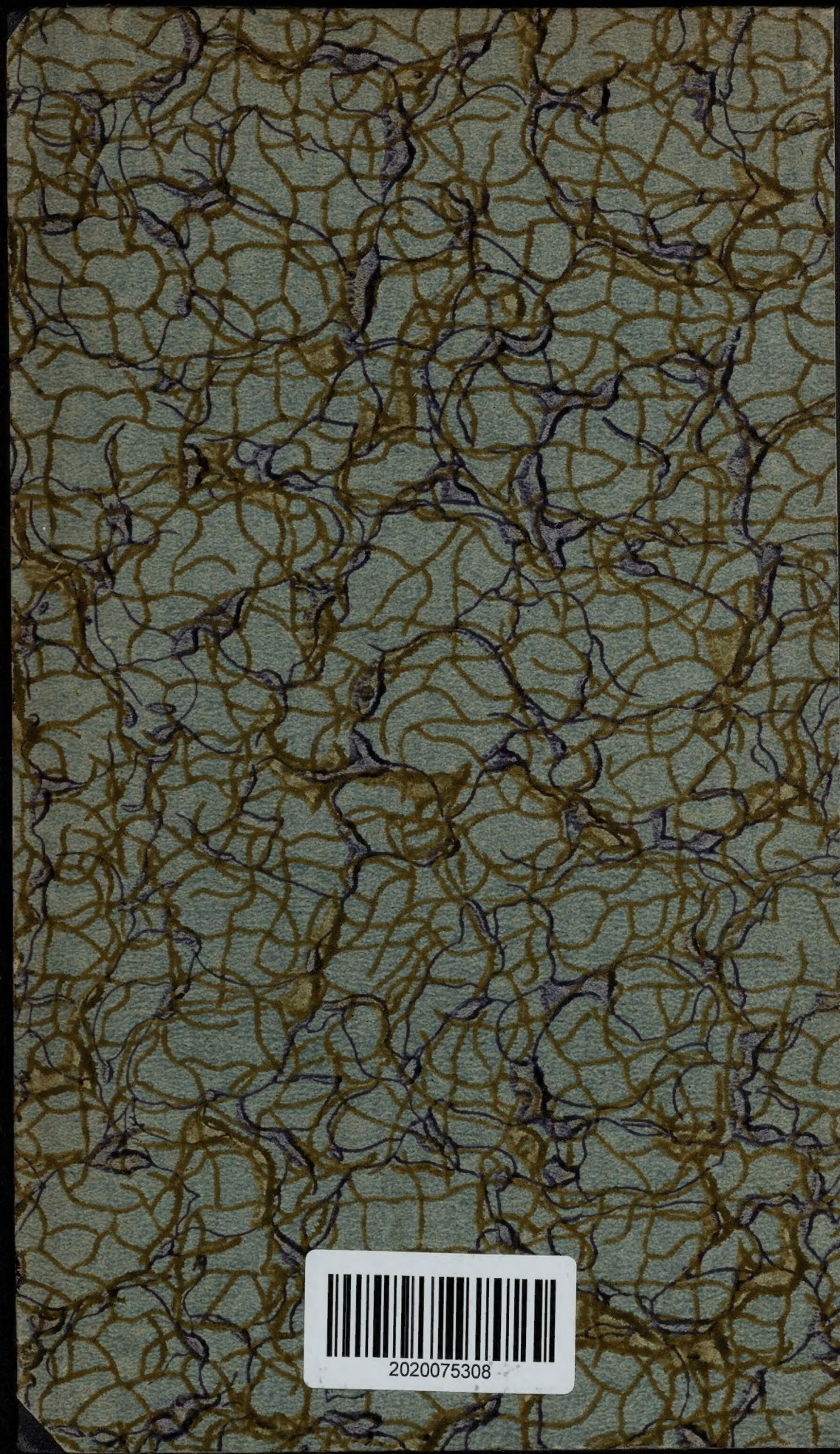
ЯНТАРНЫЕ ОСТРОВА НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ.

(Окончаніе.)

—

Разсмотрѣвъ физическія и химическія свойства янтаря, обращаемся къ самой интересной его части,—къ растеніямъ и животнымъ, которыя заключены внутри его и представляютъ не только исторію самаго янтаря, но и цѣлый періодъ изъ исторіи земнаго шара.

Органическія тѣла, погребенныя внутри земли, называются обыкновенно *ископаемыми*. Органическіе остатки, заключенные въ янтарѣ, также называются ископаемыми, но подъ этимъ не надобно разумѣть, чтобы они потерпѣли какое-либо измѣненіе вещества, или были превращены въ янтарь; они только одѣты или пропитаны янтаремъ; ихъ можно было бы назвать осмоленными или объянтаренными органическими остатками, *ископаемыми муміями*. Большее или меньшее осмоленіе янтарныхъ ископаемыхъ зависѣло отъ того состоянія, въ какомъ находился янтарь: вѣроятно, онъ не всегда обладалъ тою степенью жидкости, какая была нужна, чтобы проникнуть во всѣ органическія ткани, и отвердѣвалъ прежде, нежели успѣвалъ проникнуть. Сверхъ того, такому прониканію должны были препятствовать воздухъ и жидкости, находившіяся въ погруженныхъ тѣлахъ. Янтарныя ископаемыя, цѣлостію своею, большею частію обязаны не столько совершенному осмоленію, сколько тому, что


2020075308